

Гу Чжэнь задумался: «Действительно». Но тут он увидел, как Цзян Юньсюань, размером с горошину, надул губы и с трудом расстегивал застёжку своего плаща. Густые ресницы отбрасывали легкую тень на его пухленькое личико, и в этот момент он все забыл. Милота — это справедливость, милота может править миром. Кто такой Хэ Сюйлян? У него есть пухлые щечки? Можно ли их пощипать? Он умеет капризничать? Как он вообще может претендовать на трон, ааааа!

007:

— ...

Цзян Юньсюань наконец расстегнул плащ и ловко забрался на большую мягкую кровать в павильоне. Его маленькие ножки слегка оттолкнулись, и он побежал к изголовью кровати. Там он покопался и вытащил шкатулку из парчового дерева размером с подушку. Достав оттуда что-то, он с восторгом помахал этим перед Гу Чжэнем, крича:

— Отец-канцлер, отец-канцлер, давай поиграем с этим!

Гу Чжэнь, переполненный отцовскими чувствами, только что убрал сброшенные туфельки Цзян Юньсюаня и с умилением смотрел, как его «сынок» крутит своей маленькой попкой. Но когда он увидел, что держит в руках Цзян Юньсюань, его улыбка мгновенно застыла.

Гу Чжэнь:

— Седьмой брат, мне кажется, или у моего сына в руках что-то очень похожее на... это?

007:

— Да, именно на это.

В руках Цзян Юньсюаня был нефритовый стержень, почти такой же толщины, как его запястье. Гу Чжэнь сразу понял, для чего он предназначен.

Какое же это было изысканное и реалистичное изделие для взрослых.

Гу Чжэнь был в шоке. Он бросился к Цзян Юньсюаню и выхватил нефритовый жезл. Он был из высококачественного нефрита, на ощупь теплый и гладкий, но, черт возьми, это все равно был нефритовый член. Гу Чжэнь почувствовал, как он обжигает руку. Сынок, как ты с такой милой мордашкой можешь играть с этим!!!

Цзян Юньсюань не заметил странного выражения лица Гу Чжэня и подумал, что тот хочет поиграть с ним. Он радостно достал из шкатулки еще один, поменьше, и, размахивая им, кричал:

— Отец-канцлер, что мы сегодня будем строить?

Гу Чжэнь содрогнулся, поспешно отобрал второй нефритовый жезл и дрожащим голосом спросил:

— Ваше Величество... что это?

Цзян Юньсюань с невинным взглядом поднял голову:

— Игрушки.

— Это... не игрушки. Давай поиграем во что-то другое, хорошо?

Цзян Юньсюань был очень расстроен. Сегодня его уже достал старый упрямец из Военного министерства, говорил что-то непонятное. Ему так хотелось поиграть с отцом-канцлером, но тот вдруг стал говорить какие-то странные вещи, а теперь даже не разрешает играть с игрушками. Разве императору не позволено делать все, что он хочет? Он просто хотел поиграть, почему это теперь нельзя? Быть императором так тяжело, он не хочет больше быть им!

Цзян Юньсюань все больше расстраивался, его губы дрожали, а слезы катились градом. Он плакал:

— Отец-канцлер... ты больше не любишь Сюань-эра? Почему сегодня ты ничего не разрешаешь... У-у-у, ты же говорил, что император может играть во что хочет, почему сегодня это не так?

Гу Чжэнь не ожидал, что Цзян Юньсюань заплачет, и сразу сдался. Его сердце разрывалось от жалости, и он поспешил обнять маленького императора, мягко утешая:

— Не плачь, не плачь, я люблю тебя, люблю. Ваше Величество может играть во что угодно.

Цзян Юньсюань всхлипнул, его большие глаза, полные слез, указали на шкатулку с нефритовыми жезлами:

— Сюань-эр хочет играть с этим.

Гу Чжэнь:

— ...

Помолчав, Гу Чжэнь дрожащей рукой взял черный и белый нефритовые жезлы и спросил:

— Ваше Величество, вы хотите поиграть с этим черным... или с этим белым?

Цзян Юньсюань наконец улыбнулся, протянув ручонку:

— Хочу оба!

— Седьмой брат, я чувствую, что моя жизнь перевернулась, — сказал Гу Чжэнь, стоя в стороне и наблюдая, как Цзян Юньсюань сидит посреди большой кровати, такой маленький и милый, как ангел — если не обращать внимания на кучу разноцветных нефритовых членов вокруг него.

007:

— И что?

— Он же еще ребенок! Что этот мерзкий канцлер сделал с цветами нашей родины! Эти штуки он сам использовал, а теперь и ребенку...

Не закончив мысленно жаловаться 007, Гу Чжэнь подумал о страшной возможности и с тревогой спросил:

— Седьмой брат, этот ублюдок... у него что, еще и педофилия? Он использовал эти вещи на моем сыне??

От одной мысли об этом Гу Чжэнь чуть не сошел с ума. Его начало тошнить, это тело было таким грязным, этот мир был таким грязным!!

007 подумал и сказал:

— В книге об этом не говорится. Этот ублюдок способен на что угодно, зачем ты так переживаешь? Все уже в прошлом. Если хочешь знать, спроси сам.

Гу Чжэнь возмутился:

— Спросить? Как? Спросить этого маленького, милого ангела, не тыкал ли его отец-канцлер нефритовыми членами в задницу? Бл... Меня сейчас вырвет.

— Братан, ты не справляешься. Ты же читал книгу, этот ублюдок совершил много ужасных вещей. Тебе нужно научиться адаптироваться, — посоветовал 007.

Адаптироваться нахрен.

Цзян Юньсюань складывал нефритовые столбики в виде башни, оставалось только поставить последний. Но его отец-канцлер внезапно бросился к нему и крепко обнял, так сильно, что Цзян Юньсюань чуть не задохнулся. Башня, которую он долго строил, рухнула. Цзян Юньсюань хотел что-то сказать, но услышал, как Гу Чжэнь с дрожью в голосе произнес:

— Ваше Величество... когда эта война закончится, я вернусь и буду с вами, буду учить вас писать, читать, играть с игрушками, делать все, что вы захотите. Ждите меня.

В его голосе звучала неподдельная забота и любовь. Цзян Юньсюань не до конца понимал, но чувствовал, что его отец-канцлер чем-то расстроен. Поэтому он не стал упрекать его за разрушенную башню и тихо ответил:

— Отец-канцлер, я понял.

Цзян Юньсюань оставался в Павильоне Люйюань до самого заката. Гу Чжэнь, полностью измотанный, лег на кровать и глубоко вздохнул. Он долго молчал, его мысли блуждали где-то далеко. Когда он наконец пришел в себя, его щеки были мокрыми. Он дотронулся до них и понял, что плакал.

007:

— Эй, братан, о чем ты плачешь? Ведь до поражения в Цюньсяне еще месяц, ты еще можешь спастись. Не плачь.

Гу Чжэнь не ответил. Да, о чем он плакал? Он и сам не знал. Внезапная смерть, внезапное попадание в странный и нелепый мир, где он стал злодеем, совершающим ужасные поступки. Казалось бы, он должен быть рад, что получил второй шанс, но в то же время он чувствовал себя жалким, став злодеем. Возможно, в будущем он встретит еще много таких, как Цзян Юньсюань, чьи жизни он разрушил. Как он должен с ними справляться? Что он должен делать? Он был в растерянности, беспокойстве, чувствовал вину и негодование. Эти эмоции переполняли его, и он не заметил, как долго плакал.

Наконец он спросил:

— Седьмой брат, как ты думаешь, кто-нибудь будет грустить, если я умру?

007:

— Не знаю. Я знаю только, что если ты умрешь сейчас, вся страна устроит салют.

Гу Чжэнь:

— ...

Дай мне три минуты на грусть, пожалуйста.

На самом деле 007 понимал чувства Гу Чжэня, но он был всего лишь кодом и ничего не мог сделать, кроме как помочь ему выжить в этом мире. Он спросил:

— Эй, ты правда собираешься в Цюнсян? Если ты просто отправишь припасы, главный герой точно выиграет. В прошлый раз он проиграл только из-за отсутствия еды.

Гу Чжэнь вытер лицо и сказал:

— Нет, нет. Главный герой точно на меня злится, и эта битва станет точкой кипения. Даже если он выиграет, рано или поздно он захочет меня убить. Мне нужно заработать себе очки, наладить отношения с главным героем. Я же читал книгу, могу немного подсказать, чтобы он выиграл легче и понял, что я полезен. Тогда он, возможно, откажется от мысли убить меня. Иначе рано или поздно я все равно умру.

Подумав, Гу Чжэнь снова почувствовал боль в бедре. С самого начала она то появлялась, то исчезала. Он расстегнул пояс и заглянул в штаны, обнаружив печальный факт.

— Бл... Почему у этого человека такой маленький и черный член? Это отвратительно!!!

<http://bllate.org/book/16782/1543141>